

ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ

1 октября 2016 года, в День учителя, состоится вручение Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского. Мы публикуем лучшие тексты, выдвинутые на соискание премии в номинации «Русская словесность»

На фото (слева направо): Варвара Пивнюк, Мария Гладышева, Анна Попова, Мария Дуденкова, Николай Чусовитин, Анастасия Вязова, Дарья Гудакова, Виктор Чуев, Николай Цибин

ДРАМАТИЧНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Признаемся, что в этом году голосование по номинированным кандидатурам носило наиболее драматический характер за все четыре года существования премии.

Дело в том, что по уставу Пирятинской премии в год мы можем выбрать только двух лауреатов: одного – в номинации «Русская словесность» и другого – в номинации «Человеческое измерение».

Однако в этом году и художественное качество присланных нам текстов, и, самое главное, человеческие качества выдвинутых на соискание премии людей таковы, что нам было крайне трудно выбрать одного: по нашему мнению, многие номинанты достойны высокой награды. Именно поэтому обсуждение было бурным, а решение о присуждении премии, принятое по итогам двух туров голосования, – очень непростым.

В этот раз на соискание премии в номинации «Русская словесность» свои работы выдвинули девять авторов. Все они публикуются в этом сборнике. Имена тех, кто был выдвинут в номинации «Человеческое измерение», мы по этическим соображениям и по сложившейся традиции не разглашаем, объявляя только имя лауреата. Отметим лишь, что в этом году в данной номинации было представлено рекордное число гимназистов...

Мы очень рады, что премия вновь, как уже бывало не раз, открывает гимназии новые имена – имена ярких, литературно ода-

ренных людей. Нам отраднее наблюдать, как буквально на глазах растет их мастерство, формируется творческий почерк.

Мы гордимся тем, что в нашем красном здании много талантливых, творческих, неравнодушных людей, и поэтому нам по-прежнему есть из кого выбирать...

Предлагаем вашему вниманию тексты, которые были представлены на соискание Пирятинской премии в номинации «Русская словесность» (они размещены в алфавитном порядке – по фамилиям их создателей).

Читая эти тексты, подумайте, кого бы из авторов отметили вы?

Напоминаем: премия вручается в двух номинациях («Русская словесность» и «Человеческое измерение»), как правило, учащимся 9–11-х классов.

Одному человеку она может быть присуждена только один раз за все время учебы в гимназии.

Лауреату премии вручаются памятные лауреатские знаки, диплом, а также именной сертификат, позволяющий оплатить участие в выездном гимназическом мероприятии.

Следующее выдвижение на соискание Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского начнется 2 апреля и завершится 20 сентября 2017 года.

Пятое вручение премии состоится в начале октября 2017 года, в День учителя.

Учредители премии

Юрий Брониславович Пирятинский...

Эта премия создана в память о нашем друге – учителе, который проработал в гимназии всю жизнь.

Его товарищ Михаил Владимирович Левит, один из отцов-основателей гимназии № 1505 и один из учредителей премии, на наш взгляд, очень точно сформулировал, кем был Пирятинский в этих красных стенах:

«Учитель, у которого не было другой жизни, кроме жизни школы и его учеников-воспитанников.

Один из лучших за все время существования школы воспитателей и предметников одновременно.

Педагог, который считал свой предмет – русский язык – великим средством воспитания.

Педагог, который всегда был классным руководителем самых тяжелых классов, причем требовал такие классы себе сам.

Учитель, который чудесным образом мог изменять в лучшую сторону внутренний мир ребенка, притом самого трудного.

Автор "педагогике Пирятинского", которую трудно описать словами, но которая известна всем, кто у него учился и кто рядом с ним работал.

Человек железных принципов, с юности и до самой смерти. И конечно, никогда и ничего – для себя, все – для своих учеников и товарищей.

Такой вот наш Януш Корчак...»

Создавая эту премию, мы хотели, чтобы память о Юрии Брониславовиче оставалась живой и созидательной. Чтобы те ценности, служению которым он посвятил свою жизнь, – ценности добра, порядочности, неравнодушия, веры в человека, творчества – продолжали оставаться с нами и дальше.

Мы очень надеемся, что у всех нас это получается...

«РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»:

тексты гимназистов

**Анастасия
Вязова,
10«В»**

МОЕ СЧАСТЬЕ

Дорогая миссис Р.

Я толком не знаю, чего я хочу и что мне делать. Я чувствую в себе энергию и море вдохновения. У меня захватывает дух от огромных облаков, от красивой музыки, от запаха летнего вечера или старой книги. Меня это вдохновляет. Мне нравится фотографировать на дефектную пленку, потому что фотографии получаются нечеткими, задымленными, будто сделанными

когда-то давно. Ребятам нравятся мои фотографии, и они пытаются выведать у меня секрет их создания. Не рассказывайте им его, пожалуйста. Ведь если все станут фотографировать на дефектную пленку, мои работы обесценятся.

Делая то, что мне нравится, я чувствую себя счастливым. Счастливее всех, понимаете? Меня будто что-то распирает изнутри, и кажется, что если подпрыгнешь – полетишь. У вас бывает такое чувство, хоть иногда? Есть теория, что

с возрастом перестаешь испытывать это чувство. Но мне кажется, неважно, сколько вам лет. Важно состояние души. Лично я очень часто испытываю счастье. Я замечая, как оно приходит ко мне. Оно резко налетает на меня ни с того ни с сего, а потом медленно, незаметно уходит, оставляя радость на сердце.

Как-то раз меня позвала гулять девочка. Представляете? Сама. Я очень волновался перед прогулкой, потому что думал, что она захочет целоваться. А это очень противно: у людей во рту микробы и склизкие слюны. Если вам, миссис Р., когда-нибудь предложат целоваться, ни за что не соглашайтесь, даже за все конфеты мира. Но девочка, кажется, и не хотела. Она повела меня на крышу своего дома и показала красивейшие облака. Они плыли медленно и грациозно. Так же как идут по кругу слоны в цирке. Хорошая была девочка, мне понравилась. Я почувствовал себя счастливым там, на крыше. Но ей, конечно, ничего не сказал – зазналась бы еще.

Еще, помню, мы рыбачили вечером с сестрой.

Розовые облака заката отражались в болоте, делая из противной лужи нечто волшебное. Сестру рыбалка не интересовала. У нее начало клевать, но она не замечала. А я заметил и рванул ее удочку на себя. И знаете, кого мы поймали? Тритона! Он сам был зеленый, а животик у него оранжевый, в черную крапинку. Красивый такой. Сестру все хвалили, ведь удочка, на которую поймали, ее была. А я не стал спорить. Но когда ее гладили по голове и она улыбалась, я улыбался тоже. Думаю, это снова было счастье.

Вы можете подумать, что счастье – это как хорошее настроение, но нет. Не могу описать все красиво. Если вы испытывали счастье, вы меня поймете. А я уверен, что вы его испытывали.

Дорогая миссис Р., если вы уже прочли мое краткое послание вам, прошу его съечь как можно скорее, а пепел развеять по ветру. Потому что, если оно попадет в руки к моим гимназическим друзьям, они станут смеяться надо мной и обзывать сентиментальной девчонкой.

Искренне ваш, М.

с хитами прошлых лет, потягивая апельсиновый сок. Плевал с балкона в детей вишневыми косточками. Лепил горшки. Последнее, пожалуй, можно было назвать работой: самые удачные творения я умудрялся продавать. Так я жил.

Казалось бы, чего еще желать? Но однажды на меня навалилась тоска. Мне опостылело все. Даже любимый апельсиновый сок вызывал изжогу при одной мысли о нем. Находясь на балконе, я устремлял взгляд на серые дома напротив и мог так сидеть с отсутствующим видом часами. Дома были такие же серые, скучные, тоскливые, как и я. «Дома – мое отражение», – подумалось мне. И эта мысль заставила призадуматься.

Когда вам хорошо, вы улыбаетесь. Это факт. Вы улыбаетесь, потому что вам хорошо. А возможна ли обратная связь? Да. Не со всеми проходит этот фокус, но на мне работает. Вам хорошо, потому что вы улыбаетесь. Как радость вызывает улыбку, так и улыбка вызывает радость. Понимаете, о чем я? Дома, как мои отражения, должны были улыбаться.

Спустя неделю приготовления были закончены. Действовать я собирался в два захода – две ночи. Я раскопел даже на черный костюм, чтобы слиться с темнотой.

Солнце зашло. На небе выступили первые звезды. Пора. Я покидал в корзину половину контейнеров с краской, что были в подвале. Ночь предстояла длинная.

Утро я встретил на балконе со стаканом апельсинового сока. Половина домов пестрела всеми цветами радуги. На некоторых углах строений я крупно написал свои лучшие стихи. Думаю, по ним меня и нашли. Все в округе знали, что я пишу, потому что я, как уже было сказано, любил пускать самолетки из своих рукописей на мостовую. Там их часто поднимали и читали. В общем, что тут говорить, спустя некоторое время под моим балконом собралась толпа недовольных. Им не нравилось, что я посягнул на их частную собственность. Они кричали, угрожая мне, но я лишь ухмылялся. Я сделал город интереснее. Хоть и наполовину. Вторая половина ждала меня следующей ночью, и люди, думаю, подозревали это. Что-то взбрело мне в голову, и я закричал: «Я сделал ваш город лучше, и мне плевать на ваше недовольство! Вы не смеете укачивать мне, что делать, а от ваших серых домов мне становится тошно! Если вы чем-то недовольны, идите и жалуйтесь королю! Может быть, Его Величество соизволит прийти и побеседовать со мной за чашкой кофе о моих выходках? Пусть приходит! Уверен, он так же, как и я, умирает со скуки, глядя на ваши серые лица и не менее серые жилища! А теперь я вынужден с вами попрощаться, господа. Всего наилучшего». Я поклонился и покинул балкон. Лихо я их. Побуянят и разойдутся по своим важным, неотложным делам.

Весь день я провел слушая музыку. Она воодушевляла и успокаивала. Но вот час пробил. Осталось завершить начатое. Я облачился в черную одежду и направился в подвал за красками.

Ко мне в дом постучали. Думаю, вы уже догадались, что это был самый что ни на есть настоящий Король. Взаправдашний.

– Можно мне войти? – спросил он, поправляя бороду, растрепавшуюся от ветра. – Добрый вам вечер, скучающий сударь.

К кофе он принес шоколадные кексы. Я наскоро растелил скатерть и поставил вариться кофе. Король, не дождавшись приглашения, сел. Я ничего не говорил. Я был удивлен его появлением.

– Итак, что вас сподвигло на хулиганство?

Я немного замаялся, но сказал правду:

– Тоска, Ваше Величество.

Король нахмурился.

– А вам не кажется, сударь, что это не слишком веская причина для порчи чужого имущества? Вы совершили чистой воды вандализм. Есть государственные законы, за нарушение которых полагается штраф. Независимо от ваших побуждений, мой дорогой. В законах ясно писано...

Но я резко перебил его:

– Ах, конечно, Ваше Величество, такие, как вы, всегда и везде правы (простите мне мой тон)! Потому что живете все по писаным законам. По законам, которые сами же себе и придумали. Сами себе поставили рамки и ограничения. Живете все одинаково: как положено, как предписано. Никто из вас не способен на безумство, а следовательно, и великое вам не по плечу! Поймите же, наконец: жизнь нельзя подстроить под какую-то выверенную схему!

Король вновь нахмурился.

– Послушайте, я понимаю, что отдельным особам правила могут казаться несправедливыми или неверными. Но ведь они пишутся не для личности, а, так сказать, для массы. Чтобы люди могли жить спокойно, зная, что их охраняет закон.

Слова, произнесенные им, видимо, для того, чтобы образумить и успокоить меня, вызвали во мне лишь новую волну гнева.

– Спокойно?! Если вы подумаете немного, освободившись от цепей государственного устройства, то поймете, что покой порождает скуку, а скука, черт возьми, есть преддверие самой смерти. Вымирания! Это-то вы понимаете?

Я сделал паузу, чтобы собраться с силами для дальнейших разъяснений. Я думал, Король воспользуется этим и нанесет ответный удар, но он лишь насупился. Видимо, контраргументы у него пока еще не созрели.

Я продолжил:

– Каждый человек измеряет свою жизнь переменами и яркими моментами. Они служат точками

КО МНЕ В КОМНАТУ ПОСТУЧАЛСЯ КОРОЛЬ

Повсюду взгляд упирается в темные стены, и только в самом конце переулочка виднеется ярко-сиреневый дом. Кто там живет? Я. Я там живу.

Мой дом, я считаю, самый уютный. Самый красивый. Каждое лето я крашу его. Всегда в новый цвет. И этим мое жилище выделяется. Другие люди не красили свои дома. Они стирали, вывешивали белье на веревки, протянутые между домами, выплескивали помой на мостовую, выложенную булыжником, раз-

давали подзатыльники детям, когда те носились под ногами. Все были заняты. А я – нет. У меня не было детей, не было белья, кроме старого покрывала, выходного костюма и халата (но даже их я ленился стирать), неоткуда было взяться большому количеству помоев, потому что жил я один. Словом, времени у меня была пропасть. Я читал у камина, покуривая трубку. Пробовал писать стихи, а потом делал из них самолетки и пускал с балкона. Слушал пластинки

отсчета на линии его жизни. Необычные воспоминания оставляют яркий след в душе, запоминаясь лучше, чем все остальное. Рутинная работа съедает время вашей жизни, словно бы его и не было. Недаром десять дней, проведенные в походах, кажутся длиннее, нежели месяц, занятый лишь бытовыми заботами. Чем больше человек испытывает новых, ярких эмоций, тем выше продуктивность его работы, свежее идеи и мысли...

Я посмотрел в глаза Королю. Мне казалось, он соглашался с тем, что я говорил.

– Вы так умны, – сказал я, смягчив интонацию голоса, – а не понимаете простых истин. Что не стоит, например, жертвовать всем только ради обязательных дел. Так можно погубить всю свою жизнь. Без ярких эмоций, впечатлений вы зачахнете, как это сделала уже большая часть людей города. Они против творчества, против красок в жизни. Подумайте, на что они жалуются: на то, что я раскрасил их серые дома во все цвета радуги и тем самым нарушил рутинность их проживания.

Король приподнял голову и, как бы извиняясь, сказал:

– А что же я могу?

– Просто не стоит мне мешать.

Он кивнул, отодвинул от себя нетронутую чашку кофе и стал собираться уходить. Пожал мне руку и, когда уже одной ногой переступил порог, обернулся и тихо спросил:

– А можно и мне с вами?

ЖЕНЩИНА КОТОРУЮ Я ПОМНЮ

– А вы никогда не любили?
– Тысячу раз, но все не так, как хочется.

Клео от 5 до 7 (1962)

У меня было много женщин. Каждой я клялся в любви. Каждой говорил, что она лучше предыдущих, и сам верил в свои слова. Но встретить я их сейчас на улице, прошел бы мимо. По той простой причине, что никого бы не узнал. Но одна мне запомнилась. Это была одна из тех коротких двухнедельных интрижек, которые случаются у каждого скучающего человека. Я не помню цвета ее глаз, хотя это, если верить дешевым романам, самая необходимая информация для вздыхания. Но я помню, что у нее была удивительно бледная кожа. Везде ходила под зонтиком: считала, что загар – это вредно. Большую часть времени она проводила в садовой беседке за резьбой по дереву и чтением книг. Не знаю, что она читала, но, кажется, что-то из фантастики. Она одна по какой-то неведомой мне причине оставила след в моей памяти.

К чему я все это вспомнил? Недавно видел ее в театре. Не то чтобы я часто ходил на спектакли – в тот день я был с очередной «дамой сердца». Видел, как моя бывшая женщина покупала мороженое в буфете. Я было сделал шаг по направлению к ней, но остановился, потому что она перехватила мой взгляд. Я отвернулся. В конце концов, какой смысл идти к ней? Если я не люблю ее, зачем преследовать, тревожить? Я попытался вновь найти ее глазами, но она уже ускользнула. Моя спутница потянула меня за рукав: второй звонок прозвучал. Я мотнул головой и пообещал себе больше не думать о той даме.

А глаза у нее, кстати, карие. Стоило подойти.

Мария Гладышева, 11 «А»

*Ты готов ступить в неизвестный мир,
Где вокруг враги, а друзей немного?
Где ты за себя, ты не их кумир,
Да и, впрочем, нет тут пути иного.
Ты готов ворваться в этот шумный день
И испить до дна горькие мечты?
Где гуляют страхи там же, где и лень,
Побороть ее сможешь только ты.
Гнев тебе оковы, в жилах стынет кровь,
Здесь менять законы – что писать стихи.
Ты узнаешь снова красоту, любовь
И познаешь злости медные тиски.
Ложь и страсть в ночи попируют вместе,
Хаос бродит следом, в алчных мирах
Будешь, как они, подчиняться лести
Или обретишь жизнь в простых делах?
Когда ты бегом по сухой траве
Совершишь побег, изменив сюжет,
То прошу тебя: вспомни обо мне –
Не увидимся мы на сотню лет.
Я тебе отдам все живые сны,
В глубине ночной шанс блеснет на миг:
Попытайся сдвинуть этот камень тьмы
И не загоняй хоть раз сам себя в тупик.
Вновь спрошу лишь раз, не скрывая правду,
Посмотрев в глаза, веря: будет так.
Ты готов уйти, испытать отвагу?
Если ты готов, просто сделай шаг.*

*Мысли вращения, чувство волнения,
Времени места, густы вечера,
Вечны сомнения и исполнения,
Нам не исправить, что было вчера.*

*Вечные действия, фразы, решения
И непонятные взгляды с утра.
Спутаны карты глухого презрения,
Лишь бы допить всю мечту до конца.*

*Что же теперь остается в томлении?
Тихая грусть поглотит небеса.
Знаешь, любовь ищет крепость в доверии,
Лжи не потерпит она никогда.*

*Трижды обжечься возможно, но рвения,
Рвения чувства всегда нам нужны.
Камень, сброшенный с берега в течения,
Тонет, а нам нужен мост для судьбы.*

*Верны, неверны, мы суеверны,
Знаем, что все не придет просто так.
Люди без чувства, они нам презренны,
Ты не подашь им такой важный знак.*

*Тренды и ветры, просты перемены,
Медленно катит к зениту рассвет –
Чувства любви лишь всегда неизменны,
Живы для нас будут все сотни лет.*

*В час, когда не спит наш город
И кипит в нем жизнь дорог,
Вспомни тех, кому ты дорог,
Среди будничных морок.*

*Мы уходим в океаны,
Строим башни до небес,
Трепетно скрываем планы,
Где нет места для чудес.*

*Забываем про улыбку,
Ведь в душе бушует месть,
Не прощаем и ошибку,
Слепо принимаем лесть.*

*Но в тот час, когда невзгоды
Не дают идти вперед,
Мы теряем месяцы, годы,
Чтобы посмотреть восход.*

*Стук колес не слышен боле,
Ветер бьется к нам в окно,
Вдалеке танцует море,
И ему ведь тяжело.*

*Нужно всем ценить живое,
Чувство, что поет в груди,
И хранить его в покое
На ухабистом пути.*

Дарья Гудакова, 9 «А»

*Когда разложат меня на ноты,
Я буду точно немного детской,
Наивной, звонкой, веселой песней,
И будут слушать меня в дороге.*

*А если стану я вдруг машиной,
То буду танком, ведь я упорна.
Меня не сдвинете даже ротой,
Коль что-то я для себя решила.*

*А я погода – само коварство:
Бушует ветер в зеленых кронах,
Разряды молний и грохот грома,
А после – снова светло и ясно.*

*В ландшафте стану лесной долиной.
Темно и сыро. Храню секреты.
Сюда придут отдохнуть от света
И вспомнить все, что когда-то было.*

*Будь я животным – была бы кошкой,
Бродила б крышами и дворами,
Со мной бы дети порой играли,
А я б шипела, но понарошку.*

*А человек я – набор осколков:
Немного радости, много смеха,
Печали, злости, добра и света.
Мы все по жизни – калейдоскопы.*

*Люблю родные мне широты неба,
Леса, что оживают в миг дневной,
Где выше и сильнее наша вера,
Где оживает замысел любой.
Быстрее реки и сильнее ветры
В равнинах вечных и цветных садах,
Преодолея много километров,
Окажешься в красивейших местах.
Под куполом и счастья, и свободы
Нам открываются пейзажи неземные,
Озера, реки, море, дивны горы –
Они давно нам стали как родные.
И можно просто добежать до моря,
Прохладный бриз почувствовать, вдохнуть,
Увидеть горизонт – простор и воля,
В полях под шум дубрав опять уснуть.*

Мария Дуденкова, 11 «А»

МИХАИЛ

Посвящается всем, кто не дожил до Победы

Недаром говорят: как день начнешь, так его и проведешь. Саша в этой поговорке убедилась сполна 7 июля 20** года. Не сказать, что день закончился плохо, скорее даже наоборот, но должным потенциалом он обладал.

А вообще, ясен пень, не может день начаться хорошо, если в семь утра вместо чашечки кофе вас ждет пробежка вокруг общаги в качестве наказания за вчерашнюю провинность. Хотя тут вину свою Саша признавать отказывалась. Просто тренер – зануда, вот и все. Подумаешь, засиделись немного с девчонками после отбоя – это же спортивные сборы, в конце концов, а не концлагерь. И потом, теннис теннисом, а общение никто не отменял! Надо же поддерживать дружеские отношения с ребятами из других групп, такими же собратями по несчастью, которым тоже пришлось проводить июль не на море, не на даче, а в Литве на сборах. Мог бы тренер войти в положение! Однако Алексея Анатольевича не особенно интересовали Сашины соображения на этот счет, а за пререкания девчонка заслужила к уже положенным пяти кругам наказания еще два.

Наказание было не первое, да и не последнее, поэтому особенно заикливаться на нем Саша не стала бы, если бы, наворачивая круги вокруг злополучного общежития и засыпая на бегу, не попала ногой в яму. Нога тут же заболела, и Саша даже успела обрадоваться, что теперь от нее, «травмированной», все отстанут на денек-другой. Но звезды явно были не на ее стороне. Ни растяжения, ни вывиха не обнаружилось, а посему пришлось юной теннисистке тащиться вместе со всеми сперва на стадион, потом на тренировку на корт, а в довершение на вечернюю пробежку по лесу. Именно с этой пробежки и началась та странная, почти мистическая история, которую Саша рассказывала впоследствии только самым близким и родным людям.

Теннисисты облюбовали тихий литовский городок Висагинас уже очень давно, традиция проводить здесь сборы имела советские корни. И место действительно было очень удобным: общежитие, в котором зимой жили студенты, несколько теннисных кортов неподалеку, стадион и, главное, сосновый лес прямо

через дорогу. Лес был фантастический, будто сошедший со страниц старых сказок. Светлый, пронизанный лучами солнца, тихий, полный ягод и грибов. В свободное от тренировок время юные спортсмены частенько ходили гулять в бор, где вдоволь успевали и подурчиться, и наесться вкусной черники, земляники. Правда, в лесу тренеры обычно заставляли своих подопечных не ягоды-грибы собирать, а бегать кросс. Очень жаль.

На той вечерней пробежке было прохладно, по прогнозу обещали туман, и тренер решил, что младшим спортсменам (от семи до десяти лет) можно остаться дома, а вот четверо старших (лет тринадцать-четырнадцать) в состоянии добежать до Красной горки и обратно. Это было, конечно, далековато, но все же не самый худший вариант. Так, во всяком случае, думала Саша, пока, стараясь держать темп и дыхание, неспешной трусцой бежала вместе со своими друзьями по лесной тропинке вслед за тренером. Нога немного ныла, но было терпимо, поэтому девочка не отставала.

До Красной горки они добежали довольно быстро и хотели остановиться передохнуть, как вдруг Алексей Анатольевич, который до этого сосредоточенно хмурился, будто решая про себя сверхсложную задачу, похоже, принял какое-то решение и, кашлянув, озвучил его восстанавливающим дыханием воспитанникам:

– Я сбегаю подальше, до Святого озера. Или хотя бы до магистрали. Сами обратно добежите?

Саша встрепенулась. Вот это подарок судьбы! Если так подумать, то обратно можно не бежать, а неспешно дотопать пешочком, ну или быстрым шагом, на крайняк.

Другие ребята, видимо, подумали о том же и дружно закивали:

– Конечно, добежим, недалеко же совсем!

– Сто раз бегали!

– А не заблудитесь? – засомневался тренер.

Саша не сдержала пренебрежительный фырк. – Да вы чего, Алексей Анатольевич, мы же не в первый раз. И светло еще совсем, – выступила, как самая старшая, Сашина соседка по комнате Мила.

Ее дружно поддержали двойняшки Данил и Дима:

– Добежим, не беспокойтесь!

В общем, тренера удалось убедить, да он и не особенно пытался сопротивляться. Поэтому в обратный путь компания двинулась неторопливым шагом, мило беседуя, шутя и смеясь.

А солнце опускалось все ниже и ниже. И чем краснее становились его золотые лучи, тем тише звучали голоса ребят, тем чаще они ускоряли шаг. Когда они дошли до болота, от которого было еще приличное расстояние до общежития, на землю спустились мягкие июльские сумерки – и ребята, не сговариваясь, побежали.

От земли поднимался густой туман, лесная тропинка терялась в молочно-белой дымке. Юные спортсмены выстроились в неровную шеренгу, хотя следовало бы бежать друг за другом. Но в души ребят закрался смутный страх, внезапно захотелось как можно быстрее добраться до общаги и напиться горячего чая. Поэтому с легкого бега они перешли на почти полноценный.

И вот тут случилось то, чего никак нельзя было ожидать. Саша, которая бежала с самого края, внезапно почувствовала, что наступила на что-то твердое и узкое, вроде плотного резинового шланга. Сначала

она даже не испугалась. Однако спустя доли секунды пришло осознание, что никаких шлангов посреди леса быть не может. Рефлекторно отпрыгнув в сторону, девочка обернулась... и пронзительно завизжала, взмахнув руками.

– А-а-а-а!!! Змея!

– Змея! – тут же подхватил бегущий рядом Данил, выпучив от страха глаза и подаваясь вбок, чуть не сбивая своего брата.

Дима только открыл и закрыл рот, а вот Мила подержала соседку по комнате, завизжав еще громче.

То, что произошло дальше, Саша вспоминала с трудом. Помнила только, что они вчетвером бросились бежать сломя голову. Перед глазами у нее стояла одна картинка: туман, песчаная дорога – и узкая головка серой змеи, злобно распахнувшей рот. Помнила, что сама она споткнулась обо что-то большой ногой и, пропахав носом землю, плюхнулась на траву. А когда поднялась, то ее товарищей, как говорится, и след простыл.

Оставшись одна, с трудом отыскивая в тумане и сумерках теряющуюся среди хвойных иголок тропинку, Саша еще некоторое время шла через лес, стараясь не дать страху и горькой обиде на друзей завладеть разумом. Окончательно стемнело, только рыжая полоска зари мигала своим умирающим золотым светом сквозь деревья, догорая где-то далеко за лесом, на западе.

Сначала юная теннисистка шла даже уверенно: все-таки в лесу она была не в первый раз и знала его неплохо. Во всяком случае, достаточно, чтобы выйти хотя бы к железной дороге, откуда было рукой подать до города. Да и тренер должен был бежать обратно тем же путем – так утешала себя Саша, пытаясь держать в узде то и дело накаляющую панику. Сосновый лес, такой светлый и дружелюбный днем, после заката

стал темным и пугающим. Дорожка постоянно пропадала, раздваивалась, соединялась вновь. И в какой-то момент, обманутая сумерками, девочка свернула не туда, но поняла это слишком поздно. То есть тогда, когда тропинка совсем исчезла, а на небе появились яркие звезды.

– Классно, – саркастично резюмировала Саша, останавливаясь и осознавая, что окончательно заблудилась.

Звук собственного голоса среди молчаливых сосен показался чужим и чересчур громким, однако это все равно как-то успокаивало. Хотя что говорить – нервы у девчонки, медленно скрипя, как сильно натянутые канаты, стали сдавать. Несколько минут Саша обдумывала идею попытаться пойти назад и выйти обратно к широкой тропинке, но тут где-то в глубине леса ухнула сова, и желание продолжать бродить пропало само собой.

– Ну все. Хьюстон, у нас проблемы, – снова пробормотала себе под нос девочка, все еще пытаясь справиться с нарастающим ужасом. – Черт! Вот зачем я вообще поехала на эти проклятые сборы? Черт!

Саша со злым бессилием стукнула кулаком по стволу ближайшего дерева и, не выдержав, заплакала. Слишком много всего и сразу. Угроздило же ее согласиться на этот лагерь!

– И что дальше? Попустим, я сумею пережить эту ночь, – тут девочку прошиб холодный пот. – Ночевать в лесу? Одной? Неизвестно где? Вот почему, Господи, почему я победитель по жизни? – всхлипнула, вытирая слезы, Саша. – Почему вечно какая-нибудь шняга случается именно со мной?

Ответов не было. Только звезды загадочно мигали в бездонной вышине, а ветер пел тихую песню в верхушках деревьев. Ни птиц, ни сверчков – ничего.

Это еще больше напугало девочку, но она опять попыталась взять себя в руки:

– Так, тряпка, не ныть. Сейчас ты сядешь, успокоишься, завернешься потеплее и попробуешь вздремнуть. Хорошо бы залезть на дерево, но у сосен очень гладкие стволы. Также неплохо было бы лечь ногами в ту сторону, откуда ты пришла. Знать бы откуда...

Саша зябко поежилась, кутаясь в спортивную кофту. Ночи в Литве были прохладными, несмотря на то что на улице стоял июль. Тут девочка заметила, что дерево, по которому она, обливаясь слезами, минут пять назад молотила кулаками, было березой.

– О, землячка. Уже не так грустно, – снова вслух заметила Саша, пытаясь приободриться и бездумно глядя кору березки. Сев около ствола дерева, она подтянула ноги к груди и уткнулась носом в колени – так было теплее. Вновь подкатила паника, но девочка безумно устала и быстро провалилась в сон без сновидений.

Проснувшись Саша оттого, что кто-то настойчиво тряс ее за плечо. Не сразу вспомнив, что она в лесу, Саша глухо рыкнула:

– Милка, отстань, будильник еще не звенел.

– Еще как звенел. Просыпайся! – ответил ей странный, незнакомый молодой мужской голос.

Тут воспоминания прошедшего дня волной хлынули в сознание Саши, и девочка похолодела. Медленно оторвав голову от колена, она с ужасом посмотрела на разбудившего ее человека, ожидая увидеть кого угодно – маньяка, упыря из просмотренного недавно фильма ужасов, но не то, что предстало перед ее глазами.

«Наверное, я все еще сплю», – протирая глаза руками, подумала Саша, так как иначе объяснить странную внешность незнакомца она не могла.

Ничего пугающего в нем не было. Это был всего лишь долговязый парень лет двадцати, круглолицый, русоволосый, голубоглазый, с веселой, добродушной улыбкой. Словом, внешне он ничем не отличался, на-

пример, от старшеклассников из Сашиной школы. Человек как человек. Но на этом сходство заканчивалось. Одет был парень в измазанную солдатскую форму и высокие сапоги, на голове красовалась лихо сдвинутая набок пилотка со звездочкой посередине. Лицо парня было очень бледным и будто излучающим собственный свет, а на лбу запеклась кровь.

«Либо тут проходят съемки какого-то исторического фильма, либо я спятила, – подумала Саша. – Либо это какой-то двинутый местный приколист». Хотя, как ни странно, присутствие незнакомца, но, судя по всему, неопасного человека приободрило.

– А ты... Ты кто? Призрак? – почему-то страх пропал, его сменило любопытство.

Парень недоуменно приподнял одну бровь:

– Разве я похож на призрака?

– Немного, – призналась Саша.

Странно одетый человек неожиданно широко улыбнулся, показывая крепкие белые зубы, и рассмеялся.

– Призрак так призрак. Давай вставай, – он протянул ей руку, явно предлагая свою помощь.

Недолго думая девочка схватилась за нее и поднялась, чувствуя, как ноют затекшие мышцы. Ощущения были такие реальные, будто все это происходило наяву. Рука у неожиданного спасителя был сухая и теплая, вполне человеческая.

– Заблудилась? – поинтересовался он у отряхивавшей кофту Саши.

Девочка кивнула.

– Ага. Мы вечерний кросс бегали, я на змею наступила и... вот.

Парень цокнул языком и покачал головой.

– Негоже в лесу тебе ночью сидеть. Замерзнешь, да еще и съест кто. Пойдем, провожу.

– А ты знаешь, куда идти?

Странный человек (или призрак) вопрос проигнорировал, грубо говоря. Просто взял Сашу за руку и потя-

нул куда-то вперед. Девочка, чувствуя странное спокойствие и уверенность, покорно пошла за ним.

Некоторое время они шли молча. Наконец Саша решила выяснить все интересующие ее вопросы.

– Слушай... А ты кто все-таки?

Парень повернул голову и ответил:

– Я – солдат Красной армии. Мы освобождали Литву, здесь тяжелые бои шли. Много наших тут полегло, – в ярких голубых глазах мелькнула грусть.

Саша моргнула. «Либо реально больной приколист, либо... Нет, ну быть не может...»

– Ты тоже здесь погиб? – все-таки спросила она, уже ни в чем не уверенная.

– Да. Ты под моей березкой уснула, меня там убили лет семьдесят назад, может, чуть больше, – объяснил он и показал на свой окровавленный лоб. Саша смогла увидеть след от пули. И сомнения как-то сами собой рассеялись.

– Господи... – глаза у Саши округлились, и она чуть не отшатнулась, – какой кошмар...

– Нет, почему же, умереть за свою родину – не худшая судьба, – заметил солдат, раздвигая рукой попавшиеся на дороге кусты. Его рука, так же как и лицо, мягко светилась в темноте.

– Значит, здесь шли бои? – зачем-то уточнила Саша, следуя за своим провожатым.

Тот кивнул.

– Да. Ты, наверное, видела, тут полно заросших окопов. Местные ребята иногда гильзы от пуль находят.

Да, Саша видела эти окопы. Точнее, они их считали просто канавами. В них росла черника и мох. И в них было весело прятаться.

«Господи».

– Я родился на Волге, знаешь Сталинград?

– Волгоград?

– Уж не знаю, как его сейчас называют, – снова улыбнулся парень. – А ты откуда будешь?

– Москва.

– О-о-о, – по-мальчишечьи восхищенно воскликнул солдат, – столица! Кремль видела? Красную площадь?

– А то, – улыбнулась Саша, – это все видели.

– А я вот не видел, – вздохнул он. – Все собирался, как война закончится...

«Пока не похоронен последний солдат, война не закончилась», – всплыло в голове у девочки. Она вздрогнула, будто от порыва холодного ветра. Подумать только, она идет по лесу за руку с человеком, которого убили семьдесят лет назад. И почему-то это не кажется абсурдным или ненормальным, а даже каким-то... естественным?

– А ты сам воевать пошел? Или заставили?

– Сам, конечно! Какое там заставили! Ты что! Война же! – удивился странному вопросу солдат, а Саша с тоской подумала, что с трудом представляет себе какого-нибудь одиннадцатиклассника из своей школы, готового по первому зову пойти в армию и умереть в какой-то Литве за свою страну.

«Наверное, люди другие были».

– Слушай, а почему ты не до конца умер? Ну, в смысле, я думала, что после смерти люди куда-нибудь попадают, в рай или ад, или перерождаются, – прежде чем подумала, спросила Саша.

Солдат как-то сразу поник, погрузился, даже свет, который он источал, стал тусклее.

– Дело в том, что я непокоен. Моя душа не отпета, за нее не молились. Поэтому нет мне места ни на небе, ни под землей. Не отпускает меня этот свет.

– Да? – опешила Саша.

– Да. Поэтому я тут семьдесят лет... Маюсь, – как-то криво улыбнулся парень.

«Война не закончена, пока не похоронен последний солдат...»

– А у меня еще невеста под Сталинградом жила, Варенька. Мы пожениться хотели, да только убили ее в 1942-м. И деревню сожгли, – рассказывал тем временем погучик Саши. – Вот и с ней встретиться никак не получается.

– А ее что, отпели?

– Бабушка у нее верующая была, она за нее молилась, а за меня некому было. Мы все из городских, атеисты, грех сказать, мой отец сам церкви грабил и священников вешал. Заслужил я, можно сказать, – вздохнул солдат. Его круглое доброе лицо, запачканное кровью, потемнело.

Саша же почувствовала прилив негодования и желание чем-нибудь помочь такому славному юноше, который погубил семьдесят лет назад, исполняя воинский долг, защищая свой дом, свою землю, свою семью. «Несправедливо, что он не может обрести покоя. Нет, нет и нет!»

– Ну, вот мы и пришли, – голос солдата вывел Сашу из напряженного размышления.

Она моргнула и обнаружила, что они вышли к железной дороге, от которой до общежития было не больше километра. Стояла глубокая ночь, но где-то далеко, в конце железнодорожных путей, робко выглядывала только начинающая зарождаться заря.

С наслаждением вдохнув сладкий, пахнущий соснами и мхом ночной воздух, Саша решила:

– Послушай, ты крещеный?

– Да. Меня крестила бабушка, когда я был совсем маленьким, – кивнул солдат, с некоторым удивлением взглянув на девочку, будто он не ожидал такого вопроса.

– Тогда скажи мне, как тебя зовут, и я буду за тебя молиться, в храм схожу, свечку поставлю. И за упокой молитву закажу, давай? – предложила Саша.

Не успела она договорить, как лицо солдата преобразилось. Глубокая печаль исчезла, потухшие было голубые глаза вспыхнули новым, каким-то неземным светом. Никогда еще в своей жизни Саша не видела на лице человека такого счастья. Парень, не говоря ни слова, сгреб ее в охапку и крепко обнял. Саша ткнула носом в его одежду, чувствуя запах свежей земли, махорки и еще чего-то необыкновенно родного и близкого, чему не могла дать точного определения. Ей почему-то захотелось плакать.

– Спасибо тебе, спасибо, сестренка, – прошептал парень.

Саша ничего не ответила, только шмыгнула носом, понимая, что сейчас разревется. Сердце сжимала какая-то необыкновенная тоска, смешанная с болью и горечью. «А сколько их таких, как он? Лежат и не могут заснуть». Мысль об этом оказалась настолько невыносимой, что Саша все-таки заплакала, и потеряв гимнастерку впитала соленые слезы.

– Ну что ты, не плачь, – ласково проговорил солдат, глядя ее по спутанным волосам.

Саша постаралась справиться с собой, но никак не могла – слезы водопадом текли по лицу, а грудь содрогалась от рыданий. А парень все обнимал ее, утешал, шептал какие-то успокаивающие слова и гладил по голове.

А у Саши в голове мелькали воспоминания о ее собственных родственниках, для которых эти четыре года между 1941-м и 1945-м оказались роковыми.

Погибший под Ленинградом и до сих пор лежащий в братской могиле дядя Сережа – ему было всего девятнадцать. Оба прадеда по маминной линии, прабабушка – и все это среди тысяч, среди миллионов лиц. Тех, кто не вернулся.

Наконец, оторвавшись от промокшей гимнастерки, она взяла носовой платок, протянутый солдатом, и вытерла слезы. Почувствовав, что способна говорить, спросила чуть хриплым, зареванным голосом:

– Так как тебя зовут?

– Помолись за раба Божьего Михаила, – просто ответил парень. Лицо у него снова сияло, даже еще ярче, чем прежде. Будто Саша пообещала ему какой-то бесценный подарок.

– Хорошо, – кивнула Саша, протягивая платок обратно, но парень отстранил ее руку.

– Оставь себе на память, чтобы не забыла, – снова улыбнулся он.

И Саша улыбнулась в ответ, чувствуя, как на смену боли и горечи приходит какое-то ласковое, убаюкивающее спокойствие. Глаза как-то сами собой закрылись, лес поплыл, и единственным воспоминанием осталось звездное небо и голубые глаза Михаила, горящие, как два огонька, едва ли не ярче всех звезд.

– Эй, Локалина! – раздался встревоженный знакомый голос над ухом Саши.

Девочка распахнула глаза и подскочила от неожиданности. В лицо ей ударил слепящий искусственный свет, который неприятно обжег привыкшие к темноте глаза. Сощурившись, Саша вскрикнула и закрыла лицо руками.

– Господи, Божье наказание! – ругнулся все тот же знакомый голос, в котором она узнала... Тренера?

Вновь приоткрыв глаза, Саша неожиданно обнаружила, что лежит на земле, а вокруг нее с фонариками толпятся тренеры, среди которых был и Алексей Анатольевич. Лица у всех были напряженные, почти испуганные. Увидев, что Саша снова открыла глаза, тренер облегченно выдохнул и потушил фонарик, которым светил прямо в лицо Саше.

– Жива? Здорова?

– Ага, – кивнула девочка, которая все еще не отошла от... Что это было? Сон?

Оглядевшись, Саша осознала, что лежала она прямо рядом с железной дорогой, точнее, недалеко от нее. Именно в том месте, куда ее привел тот странный...

«Михаил?»

– Что ж ты до железной дороги добралась, а дальше не пошла? – допрашивал ее тренер.

Саша, которой было не до того, пожалала плечами.

– Не знаю.

– Не знаю, – передразнил тренер. – Учти, завтра снова семь кругов. Чтoб неповадно было. Ну и напу-гала ты нас! Полночи тебя искали!

Саша только кивнула, крепче сжимая в кулаке белый платок.

Прошло несколько дней, наконец-то наступили выходные. В субботу, после традиционных утренних соревнований, Саша с Милкой и девчонками из других групп отправились в торговый центр «Домино», который был самым людным местом в этом городке. Там было много кафе, магазинов, даже боулинг.

Все это время Саша ощущала странное волнение. Ее мучили сомнения, реальность и сон спутались в сознании в одно целое. Был ли тот солдат? Или это всего лишь ее больная фантазия? Погруженная в эти мысли, Саша не вникала в разговоры подруг, отвечала односложно и невпопад, что не осталось незамеченным. Ее начали расспрашивать, но Саша отшутилась и, сославшись на кое-какие дела (ей совершенно не хотелось никому ничего говорить про солдата, про церковь и свое обещание), после прогулки по торговому центру не пошла с ними обратно в общагу, а отправилась напрямик к храму Иоанна Предтечи исполнять обещанное.

В полупустой церкви пахло ладаном и воском. Полным ходом шла подготовка к вечерней службе. Саша, которая любила ходить в храм, даже пожалела, что не сможет задержаться надолго: до шести часов надо было вернуться обратно. Купив у добродушного вида матушки свечи и заказав успокойный молебен, Саша подошла к иконам. Свечек было всего три, и девочка долго думала, куда их поставить. Одну, почти не рассуждая, поставила к распятию, вторую – Богородице, а третью – Георгию Победоносцу, покровителю русского воинства и столицы России, вспоминая слова Михаила о его желании увидеть Москву. Затем,

перекрестившись, Саша вышла из церкви, чувствуя свой долг выполненным.

В ту же ночь она увидела чудесный сон. Ей снилось огромное ласковое голубое небо, нереально слепящее глаза белое солнце, золотое поле ржи, которому не было конца и края. По этому полю, обнявшись, шли знакомый Саше парень в солдатской гимнастерке, с лихо сдвинутой набок пилоткой и невысокая девушка в простом ситцевом платье. Саша не видела их лиц – они шли к ней спиной, уходя по полю прямо туда, где на горизонте горело солнце. Солнце светило прямо в глаза, и создавалось впечатление, будто наконец-то обретшие друг друга во смерти влюбленные уходят в этот слепящий свет, растворяясь в нем. Вскоре их силуэты было невозможно различить – они сами стали светом.

Саша проснулась в слезах, но на душе у нее было необыкновенно хорошо и легко, а в голове пульсировала только одна мысль: «Смерти нет!»

Варвара Пивнюк, 9 «А»

*Я – маленький ребенок.
Я – девочка, и я тащу большой, тяжелый арбуз
По дороге,
Всей в трещинах,
В высохших лужах.
В жару.
Пусть.
От пыли мне дышать уже нечем,
Сухой воздух режет
Грудь.
Пусть!
И силы уже на исходе,
До дома осталось, наверное,
Километра два, а может, три?
Взрослые помочь не смогли мне?
Ничего.
Я помогу себе сама. Смотри.
В знойный день.
Маленькая девочка.
В коротеньком платьице.
Несет воду матери,
В грубой коже.
И что,
Что все деньги потратила?
Любовь стоит дороже.
В сердце трепещущем
Одно желание:
Хоть бы похвалили чуть.
Но вдруг, внезапно,
Откуда ни возьмись
Тяжелая и острая
Грусть.
В знак благодарности резкий удар.
Мама,
С бутылкой в руке,
С сигаретой в зубах,
Не воплощает любовь.
Она воплощает боль
И страх.
Девочки!
Спрячьте души за решеткой.
Ведь наградой за наивность,
За открытость
Будет не нежный поцелуй,
А удар плеткой.*

*Из высоких градирней ТЭЦ идет пар мраморно-бледный.
Издали я на градирни смотрю,
Совсем не в поисках чего-то конкретного.
Уже холодает, но я потерплю.
За спиной у меня горит алый закат,
Перед глазами стелется хвойный лес.
Кипит жизнь,
Вокруг ошеломляющая красота
И вид на дивную ТЭЦ.*

*По вечернему серому небу плывут облака кляксами смазанными,
Внизу пес сидит, он кем-то оставлен и забыт,
А вдальке где-то плачут дети наказанные.
Я тоже хотел бы с ними закричать навзрыд,
Но не могу, ведь я совсем уже взрослый.
Нельзя допустить, чтобы на глазах выступили слезы.
На плите, в газовых струях, пламя горит.*

*Высоко же сегодня поднялся я! Пробрался на крышу.
Но как бы я высоко ни пытался залезть,
Все равно птицы летают выше.
Рассекая небесную гладь, пренебрегая расстоянием,
Меня, рожденного ползать, побуждают летать.
В квартиру пора. Слышу чайника свист я.*

*Из высоких градирней ТЭЦ идет пар мраморно-бледный.
Хоть ТЭЦ уже почти не видно, но я все смотрю
И смотрю,
Даже не в поисках чего-то конкретного.
Холодно, я тут находиться больше не могу.
Снаружи сгорел дотла закат,
И вместе с ним догорает еловый холмистый лес.
Вокруг ошеломляющая красота,
Тишина
И вид на дивную ТЭЦ.*

*Живые стали как мертвые.
Ужас? Бросьте, всего лишь рутины растянутой след.
На рваном кусочке бумаги скомканном
Написано красной ручкой и пеплом от сигарет:*

*«Приложение веревке найдено!
Поздравьте меня, друзья.
– И маленькая сноска, криво написана: –
Пожалуйста, покормите кота.*

*Всех люблю, но уйду по другой причине.
Согласитесь, умирать из-за любви – бред.
На самом деле я просто давно не виделся с мамой,
А маршруток к ее нынешним местам, увы, нет.*

*Под кроватью, на кухне, при входе в зал
Где-то я, где-то банка монет, где-то кот тяжело болен.
На самом деле я хотел на балконе,
Но этажом ниже живет старушка, мой полет бы ее взволновал.*

*Гроба красивого и солидного я не хочу,
Положите меня в коробку от кед и оставьте гнить под ливнями.
И да, я все-таки попрошу:
Вспоминайте меня по имени».*

Анна Попова, 11 «А»

Локальные заметки

Сборник зарисовок

#1

Люди с печальными, мудрыми глазами – моя слабость. Эти глаза.

В них есть что-то невероятно глубокое, наполненное смыслом, в котором так нуждаешься. Загадка, тайна жизни, осознание чего-то действительно важного. Они одним лишь взглядом дают понять, что знают, знают и помнят то, что тебе так нужно. Океаны холодной, пронизывающей истины. Глаза, не претендующие на «долго и счастливо», глаза с тяжестью прожитых лет, такие понимающие, такие по-родному грустные. Мирское принятие, мирская отстраненность от настоящего и несущественного. Спокойствие и уверенность, катарсис радужной оболочки, легкий шелест уставших ресниц. Холод и тепло, слитые воедино, мягкие вечерние лучи заходящего солнца. Смотришь в эти два металлических диска – видишь себя, видишь весь мир, переливающийся звездным блеском, мир песчаных замков и бумажных самолетиков, начало и конец мироздания с разницей во вспышку света.

#2

Ехать бы и никуда не приезжать. Жизнь в пути, жизнь в дороге – как метафора самого человеческого существования. Постоянное движение вперед, остановки, пересадочные станции и развилки путей.

Сидеть в поезде, смотреть на сменяющие друг друга пейзажи, день и ночь, дождь, солнце, снег. И так день за днем, год за годом.

До конечной.

#3

Он лежал на полу и смотрел в потолок. Если быть точным, он смотрел в пространство, скрывающееся далеко за потолком. Стены окружали его серым прямоугольником, ноги были вытянuty на север, макушка обращена на юг, а глаза устремлены в пустоту. Он ни о чем не думал, мысли растеклись по стенкам черепа, так что текста на них разглядеть было

нельзя. Редкость, большая редкость. Счастливые минуты без способности думать.

Обычно его разум занимало облако поглощающих друг друга проблем, сложностей. Они переливались в его голове, бликуя, оттеняя и вытесняя все остальные. Темный цвет – доминирующий. Базальный закон палитры.

#4

Мы все ошибаемся. Непрерывно шагаем по дорожке из граблей, бьющих нас по лицу. Жизнь вообще не для робких. Пока ты идешь, дышишь, пока ты всей душой чего-то желаешь – ты живешь. Не останавливайся. Никогда не прекращай двигаться вперед, даже если там бетонная стена. Никто еще не доказал, что после смерти что-то есть, так что нам остается только жить и надеяться. Жить ради самой жизни. Без остановки. Потому что, если ты остановишься, ты завязнешь.

#5

Апрель 2016

Чувство, которое так тяжело описать словами. Эмоция, импульс внутри грудной клетки. Легкие вырываются сквозь ребра, чтобы полностью впитать в себя это. Теплый ветер, светлое небо, обволакивающее крыши домов белыми облаками. Солнце, отражающееся в лужах. Это весна, весна, которую так ждешь, так ищешь в лицах прохожих. Она везде, она проникает в тебя через кожу с лучами солнца, с теплом, она пронесется через твою голову, сметая на пути оба полушария и оставляя за собой след из надежд и грез. Это яркий луч вместо будильника, это зимняя куртка, убранный подальше, это первый дождь. Капли воды, падающие на уставшее лицо, смывающие с тебя тяжесть мыслей. Запах сырой земли, дождя, пробуждающий в душе воспоминание о дне, когда ты был абсолютно счастлив. Сердце, ледяная корка на котором наконец раскалывается и тает.

#6

Д а р,

о котором не знаешь. Глазами мы любим, глазами мы чувствуем. Через зрачок нам поступают образы вдохновения, им мы впитываем лучи солнца и палитру природы. Море, звезды, вершины гор. Линии улиц, лица прохожих и близких. Улыбки. Звездная пыль слез, стекающая по щекам. Глаза отражают душу, глаза открывают нам мир. Ты закрываешь их – он исчезает. Ты остаешься один, тебя окружает только отдаленный шум существования.

Мы, зрячие, не видим этого, не понимаем, что нам дано.

Т е р я я же, осознаешь. Весь мир теряет четкость, ты как будто почти закрыл глаза, тьма совсем близко. С каждым днем понимаешь все больше. Видишь большее, постепенно все теряя. Каждую мелочь, каждую деталь. Морщинки по краям глаз твоей матери, вывески магазинов, свое собственное лицо. Хватаешься за последнее. Запомнить, сохранить в памяти. Не потерять хотя бы внутри.

Так мало времени, мир такой

о г р о м н ы й и красивый, боже.

#7

22:04

Август, неизвестная дата

Последний месяц лета окунул в прекрасную прохладу ночи. Сейчас уже совсем темно, что, как и все остальные свойственные этой поро признаки, кричит о надвигающейся на меня осени. Далеко за деревьями сквозь мрак и холод пробивается свет фонаря. Сейчас этот фонарь скорее похож на сигарету в руках великана, легко вдыхающего в себя этот чуть заметный оранжевый луч. Уши воспринимают песню сверчков как чуть слышную молитву о потерянном времени. Как жалеть, что нельзя, точно в старой детской сказке, повернуть стрелки часов месяца на два, а то и на год, а может, и вовсе остановить их, чтобы навсегда остаться в летней ночи, отбросить мысли в кусты жасмина и раствориться прямо здесь, на этом старом пластмассовом стуле.

Вещи хранят воспоминания, так ведь? Вот и эта синяя развалина, на которой я сейчас сижу, возможно, сохранит меня как воспоминание – большего мне и не нужно.

И вот когда придет мой черед отбросить коньки, кто-то таким же темным и холодным временем суток устроится на этом стуле и посмотрит на мерцающий вдалеке фонарь, как я смотрю сейчас. В этот момент, я верю, на долю секунды он что-то почувствует, увидит все другими, чужими глазами. Это будут мои глаза, и это буду я, сквозь года в воспоминании об этом мгновении.

Николай Цибин, 9 «А»

Муравейник

Глава первая

Следует начать все с самого начала. Родился я в небольшой стране на юге Африки. Название ее уже давно забыто, да и есть ли она сейчас, я не знаю. От природы я понимал больше других детей, из-за этого меня редко принимали в свои игры. И я заменил общение с людьми на изучение природы. Меня особенно интересовали муравьи – большие и маленькие, работающие и воюющие. Эти кро-

#8

Сентябрь 2016

С холодами в город пришел запах сырости, вселяющий в легкие с ледяным ветром, серым небом и черным смогом спешащих машин. Люди достают осенние пальто, кутаются в шарфы и шали. Лица, ранее обращенные к солнцу и безупречно голубому небу, меняют курс примерно на 90 градусов вниз, устремляя взгляд в бетонные боласта асфальта. Заспанные и вечно мерзнувшие школьники, учителя, офисные работники торопятся куда-то вперед, не разбирая точных координат места назначения, движимые долгом мирской суеты и пронизывающим кости холодом.

Минуты замедляют свой ход. Время, будто окутанное пеленой забвения, тянется, мучительно замедляет вместе с человеческой душой, теряющейся в Туманном Альбионе заставшей врасплох осени.

Замерзший, пропитанный дождем и ветром, ты возвращаешься домой к восьми, за окном уже темно, а желтые блеклые фонари занимают свой пост наблюдателей человеческих страхов и страстей.

Ты открываешь дверь, и приторное тепло тут же заполняет все вокруг. Сбрасывая мокрое пальто, ты спешешь к тем, кто тебе рад и дорог. К тем, кто в этот промозглый осенний вечер ждет тебя, согревая твой окоченелый кокон улыбками и разговорами.

Лето открывает двери и окна, направляет крылья и срывает замки. Осень тоскует по дому, строит пристани тепла и спокойствия, дает приют скитальческой душе перелетной птицы, ветрами и ливнями возвращая нас к корням родного дерева, которому никакие холода не страшны.

хотные создания притягивали меня, их мир почти заменял мне мир людей, но мне не хватало почвы для работы. Не было оборудования и достаточных знаний. Вопрос, почему в муравейнике все так слаженно, все сильнее волновал меня, и, хотя я не понимал почему, мне казалось, что муравейник – лучший мир. Но пока я не знал, как он устроен.

Однажды в нашем селении остановились люди с большой земли. Говорили они на французском языке, поэтому я их понимал. Один из них, врач, как мне сначала подумалось, потому что его называли «доктор» (что в действительности отражало научную степень), заинтересовался мной – скорее мной, а моей тягой к изучению. Этот Доктор выкупил меня и забрал с собой. Даже на корабле я не переставал делать пометки и записи, и это очень радовало моего нового хозяина. Один только раз я с ним заговорил, и вопрос звучал очень просто: «А там, куда мы плывем, есть муравьи?» Доктор засмеялся и ответил, что их там будет достаточно. Наконец корабль пришвартовался в каком-то порту.

Доктор учил меня всему: сначала языку (тут автор имеет в виду английский язык), затем математике, после истории. Все это было мне безумно интересно, как и те экспедиции, в которые брал меня Доктор. В одной из экспедиций на север, кажется в Сибирь, я увидел рыбу, вмержшую в лед. Поймав мой взгляд, Доктор пояснил, что она так переживает зиму. Где-то на востоке мы встретили двухголового змея, и Доктор сказал, что это один организм. Потому две головы и уживаются.

К сожалению, с каждым днем Доктору становилось все хуже и хуже. Как-то раз за обедом он спросил у меня, помню ли я рыбу, и я ответил, что помню. Тогда он отдал мне какие-то бумаги и ска-

зал, что надеется на меня. Трапезу мы продолжили в тишине. На следующий день Доктор скончался.

Изучив бумаги, я нашел исследования Доктора за последние десять лет – начиная с анатомии и заканчивая рыбами. В конце большими буквами было написано «ТОК» и приложен чертеж. Я позвал своего товарища-инженера, чтобы разобраться в этом.

Инженер, немец по происхождению, взял чертеж в руки и долго его разглядывал, браня почерк Доктора на немецком. Закончив изучение бумаг, он деловито посмотрел на меня и спросил: «А деньги-то на это у тебя есть?» Вопрос был вполне резонный: деньгами я не владел, а жил на деньги Доктора. Я поинтересовался, сколько нужно, на что мой друг ответил: «Вечный генератор». И он опять же был прав. Мы разошлись, я лег в постель с мыслью о том, что думаю о глупостях.

Проснулся я рано утром. Свет ударил мне в лицо ярким лучом, отразился от зеркала, упал на труды учителя и подсветил надпись. В разделе о рыбах было написано, что при разморозке изо льда, при изменении внешней температуры, вырабатывается ток, снова запускающий сердце рыбы.

С этим я отправился к товарищу. Он идею одобрил и принялся за работу.

Через год работа была закончена. Всю ночь я не спал, думал о предстоящем эксперименте, да так и уснул у места заморозки. Проснувшись, я обнаружил, что все уже собрались. Надо сказать, что все – это мой друг-немец и слуга-француз, ни слова не понимавший по-английски. Недолго посоветовавшись, мы пришли к выводу, что в будущем наши деньги могут не быть в ходу, а золото должно ходить. Так мы и начали эксперимент.

Я снова уснул...

Глава вторая

Я проснулся весь мокрый, грудная клетка пульсировала, все тело жгло, жутко хотелось есть. Да, если бы вы не ели сотню с лишним лет, я бы на вас посмотрел. Еще я не помнил, что со мной произошло. Изучив свой старый дневник, я все (или почти все) вспомнил, какие-то вещи сами собой возникали в памяти. Честно говоря, я до конца не верил в удачу.

Свет проникал в помещение через узкое, заплетенное паутиной окно, поэтому я не мог рассмотреть обстановку комнаты. Но картина сама всплыла в моей голове. Я подошел к столу – его уже давно не было, но среди пыли в запаянной колбе лежала записка. Записка как записка, единственное, что меня в ней удивило, – это то, что она была на коже. Впрочем, кожа истлевает дольше, чем бумага. На коже было нацарапано послание, в целом ничего особо важного там не было. В основном мой друг просил не сильно выделяться среди других, говорил, что не знает, что меня ждет. И еще говорил, что верит в то, что все получится. Ниже, уже другой рукой, было написано, что этот подвал выкуплен на мое имя на сто лет. Наконец я закончил с документом, нашел у себя в кармане золотые часы, подаренные Доктором. Они давно стояли.

Я вышел на улицу. Знаете, если я скажу, что бережная Темзы сильно поменялась, то наглейшим образом обману вас. Англия сама по себе не очень сильно меняется относительно других стран. Я шел по берегу сквозь густой, поднимающийся с Темзы туман к одиноко стоящему на той стороне реки дому. Это был дом моего друга – единственный дом, в окне мансарды которого горел свет, и, в общем-то, единственный одноэтажный дом с мансардой. Дверь была приоткрыта, и я вошел. Винтовая лестница вела в кабинет,

я постучал в дверь. Ее тут же открыл напуганный молодой человек. Он смерил меня взглядом и задал мне вопрос, над которым я долго смеялся.

– Вы, вы... попрошайка? – с легкой улыбкой спросил он.

И вправду, посмотрев в зеркало за его спиной, я увидел на себе лохмотья и драные сапоги.

– Нет, мой дорогой, я гость из прошлого, – улыбнулся я. Что-то мне говорило, что этот человек мне поверит, а не сочтет спятившим. И еще мне показалось, что ему можно довериться.

Парень быстро втянул меня в кабинет и закрыл дверь на замок.

– Отец говорил о вас.

«Видимо, это сын или внук моего друга».

– Да? Приятно удивлен. Кто ваш отец?

Собеседник не смутился и ответил:

– Мой дед – ваш знакомый.

Мои мысли подтвердились.

– Но это неважно, – продолжал он, – у нас всего час.

«Час до чего? Чего боится этот парень?»

– Я понимаю, все происходящее странно и чуждо для вас, я постараюсь объяснить. При нашем строе человек может заниматься только своей задачей, это позволяет быстрее совершать открытия, создавать шедевры. Я художник, но сейчас не об этом. Гораздо важнее то, что у нас запрещено рассказывать, да и вообще высказываться по поводу строя, это опасно. За мной установлена слежка за некоторые нарушения.

– Сколько я спал? – спросил я, восстанавливая у себя в памяти что-то похожее.

– Сто один год и два дня, – ответил парень. – Так вот, человек может служить только своему делу, на все остальное ему нужно разрешение правительства. Оно, надо сказать, из таких же людей, достигших в управ-

лении высшей ступени. Есть, конечно, король, но, мне кажется, это миф. Просто это удобно для всех. Мы развиваемся достаточно быстро, никто, ну почти никто не нарушает. Войны тоже ведутся достаточно быстро, так как все солдаты – мастера.

Меня поразило известие о войнах в этом мире.

– Но это же идеал, как тут идут войны?

– Дед говорил, что вы увлекались муравьями, вот наш мир – это отражение муравейника. Единственный его минус в том, что это еще не глобальный муравейник, а каждая страна – муравейник. Муравейники могут вести войну между собой.

За моей спиной заскрипела дверь.

– Ничего удивительного, мой друг. Наш разговор больше не секретный, поэтому прошу, не задавайте вопросов о строе.

Я открыл было рот, чтобы сказать, что мне нужно больше информации...

– Ни слова. Это опасно.

Я сдался.

– Ладно, скажи, почему час?

– Я смог выпросить час непрослушиваемого разговора. Вообще, по правилам у каждого человека есть право на полчаса в неделю, но я смог получить час. Правда, я отказался от возможности... Неважно, от какой возможности.

Возможно, это было действительно неважно, может, мой собеседник просто не мог чего-то сказать, а может, и не хотел. Но он с какой-то грустью обвел взглядом свой дом, и я понял, что лучше не спрашивать.

– Что ты можешь сказать по поводу общения? – решил перевести тему я, но, видимо, снова неудачно.

Парень лишь вздохнул.

– Полезная вещь, – он попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутая и вымученная. – Мы не

общаемся почти, просто это не функция, все общение сводится к работе. В Англии еще собираемся поговорить, а в России, США, Китае люди давно уже не встречаются. Только по работе. Слушайте, вы, наверно, есть хотите? – внезапно спросил он.

Я утвердительно кивнул. Хозяин быстро поднялся, чуть не опрокинув стол с красками, за который успел сесть в процессе разговора, и поспешно сбежал по лестнице. Он выглядел очень напуганным и уставшим. Я сидел с минуту, собирая события воедино. Вдруг мне стало ясно: только я могу помочь себе, именно это парень хотел донести; я должен изучить комнату, поискать ответы на вопросы.

В комнате не было ничего особенного, лишь мольберт, стоящий напротив большого окна. Также в комнате стояли стол и два стула, на столе лежали краски и прочие инструменты художника. Наконец меня привлекло полотно, натянутое на мольберт. Нет, это был не пейзаж, который можно было наблюдать из окна, а два человека, разделенные стеной. Один из этих людей до боли напоминал мне моего товарища, но у него были длинные волосы, тогда как мой товарищ их вовсе не имел, да и был он чуть выше. Видимо, его сын. А вторым человеком был как раз хозяин дома. Их разделяла монолитная стена, но в стене была небольшая трещина. Странно, меня никогда не учили понимать искусство, но я все понял: детей изолировали и растили отдельно от родителей, но мой новый знакомый был из тех, кто смог восстановить связь со своим отцом, и тот рассказал ему обо мне.

Я дальше шел взглядом по полотну и видел людей, идущих с прошениями. В том, что это прошения, я не сомневался, я просто знал это. Среди толпы выделялась пара: парень и девушка. Смысл композиции я понял, совместив картину со словами: «Обо всем, что напрямую не касается наших профессий и ежедневных занятий, надо просить». Создание пары тоже являлось такой вещью.

Под мольбертом лежал небольшой рисунок, на котором был изображен дом художника. Этот дом

был обнесен клеткой, все двери в клетке были плотно закрыты, прутья стояли ровно – рука человека не касалась их, только во время создания. То есть из-за секретности, не очень большой, но все же, он получил запрет отходить далеко от дома.

– Да, а также приводить сюда других людей.

За моей спиной стоял просто одетый, миловидный человек, он улыбался.

– А вы пойдете со мной. Вы нас очень интересуете.

Что ж, у меня не было выбора, но я решил потянуть время.

– Неужели вы даже поесте мне не дадите? – задал я вопрос, отрывая взгляд от рисунка.

– На это вы имеете право, но не кажется ли вам... – он не успел договорить.

– Нет, не кажется. Я знаю, где пост полиции, – отрезал я и начал спускаться по лестнице.

В гостиной за столом меня ждал хозяин. Он кротко поднял на меня глаза и извинился, сказав, что не имеет права противостоять органам власти, даже на пороге собственного дома.

– Ничего, заключенный не может противостоять тюремщику на пороге тюремной камеры. Но сейчас я бы поел, не думая ни о чем. Так-то я не ел больше ста лет.

Натянутая улыбка снова скользнула по лицу заключенного. Да, теперь я видел большое отличие между людьми и муравьями: люди стремятся еще и контролировать друг друга, а у муравьев все действительно сплоченно, нет у них организаций, следящих за выполнением. Кто не выполняет, тот сам погибает, а у людей то, что я пока вижу, не так уж радужно.

– Нет, вас не убьют, с вами проведут беседу о дебоше.

Я подумал, что не занимался дебошем, но тут же получил ответ:

– Нам это известно.

Они будто читали то, о чем я думаю. Хотя это, конечно же, нереально. Или я неправ?

Глава третья

Наконец я вышел из дома в сопровождении двух людей. Нет, это не выглядело как будто ведут заключенного, я бы сказал, что три товарища прогуливаются вместе, просто молчат, каждый думает о своем. Честно, я не чувствовал себя в неволе. Мы шли ровной линией, я думал о том, что глупо было с моей стороны не просчитать вероятность прихода полиции на вполне законных основаниях.

Вскоре мы дошли до высокого здания. «Видимо, вся земля уже заселена, теперь строятся ввысь». Я ожидал увидеть казематы, но меня ввели в просторный светлый кабинет. За столом сидел грузный человек – вот что делает с людьми неподвижность.

– Добрый день, господин Ученый, – видя, что я не здороваюсь, первым поприветствовал меня сидящий.

– Добрый, – ответил я.

Шансов уклониться от разговора больше не было.

– Я хочу сотрудничать с вами, вот мое предложение, – сказал хозяин кабинета, доставая из ящичка стола какие-то бумаги. – Это наши проекты за последние десять лет. Я хочу, чтобы вы изучили их и сказали, что вы об этом думаете.

Смысла отказываться и строить из себя человека, который не будет работать в неволе, не было.

– Почему бы и нет.

По человеку было видно: он просит помощи. Вскоре бумаги оказались у меня.

На первом листе, попавшем ко мне в руки, было подробное описание строя, каким он должен быть. Каждый человек занимается своим делом, государство обеспечивает ему социальную и физическую защиту. Под этим стояла приписка: «На каждого вора в зависимости от уровня выделяется сумма, на которую он может украсть за месяц. Каждый попрошайка обязательно должен получить определенное количество денег». То есть в государстве все должны быть довольны. Все недовольные строем просто изолировались от общества, запирались в домах, как внук моего знакомого. Это очень специфический способ репрессий, потому что государство продолжало их обеспечивать, если те работали. Если работы становились лучше, то есть человек старался, арест мог быть снят.

– Этот строй неплох, в чем же тогда вопрос? Он соблюдается, судя по тому, что я мог видеть своими глазами, – прокомментировал я, откладывая бумагу.

– Только на бумаге, мой друг. Прочтите это, – сидящий напротив с сокрушенным видом указал на второй документ, лежавший на столе.

Это был отчет, он гласил, что недовольство по всему миру растет, люди от 20 до 25 лет требуют разрешений на разностороннее развитие. Пытаются поднять бунт. Требуют возвращения прошлого режима, требуют свержения этого муравейника.

– Люди всегда чем-то недовольны, – с грустным видом сказал я, – как жаль разочароваться в мечте. До свидания.

Я подошел к двери, никто даже не планировал мне препятствовать. Всеу когда-то приходит конец – я окончательно сделал свой выбор. Эти люди уже не борются за свою мечту, а молодые только нашли свой идеал, и я могу помочь им построить его. Вообще, видимо, молодым проще мечтать.

Виктор Чуев, 11 «Б»

*Проведши все детство в российской деревне,
Вдыхая сей запах родимых полей,
Прилежно внимал я традициям древним –
Той жизни уклад становился милей.*

*Я помню, как, в печку дрова спозаранку
Закинувши, мать выходила во двор
И, в лес отправляясь за новой вязанкой,
Мы с дедом неспешный вели разговор.*

*Я помню, с отцом мы пошли на охоту
И выстрелы в чащу сперва наугад,
Тропинка, ведущая в дебри болота,
Да гончая Дымка с вальдшнепом в зубах.*

*Я помню, как утром, под благовест вешний,
Заросшей дорогой спускались к реке
И старый паромщик на лодке неспешной
Все греб к колокольне с крестом в вышине.*

*Немало я мест перевидал и краше,
Однако среди суматохи дневной
Вдруг вспомню: в деревне затерянной нашей
Бреду меж стогов под рассветной луной.*

05.06.2016

*В разгульную пору веселья
Меня не оставляет мысль одна:
Как мимолетны наши увлеченья,
Как быстротечны юные года!*

*Доколе ж их в слепом порыве
Растрчивать нам свыше суждено
На бесполезные деяния земные?
Однако вечером, когда в мое окно
Проникнет луч, и сумраки дневные
Развеются, и станет вдруг светло, –*

*Сквозь обрамленное зарею утро
Проглянет мысль, спокойна и чиста:
Как долговечны истинные чувства,
Как сладостны минуты торжества!*

06.2016

*На кладбище старом, хранителе былей,
Стоят величаво надгробий столпы.
На плитах, под золотом громких фамилий,
Резные гравюры весенней листвы.*

*А дале, за ветхой, заросшей оградой,
На старом кресте выпадает роса.
Здесь тихой, ниспосланной свыше наградой
Березка живая взвилась в небеса.*

*И грезится мне, что в молчаньи недолгом
Гранитную пыль разметет сквозь века;
Тогда над величья истлевшим обломком
Взрастет малахитовый стебель цветка.*

11.06.2016

*На Вашем пути оказался случайно,
По торной дороге шагая к заре.
Вы шли мне навстречу, окутаны тайной,
В чудес ореоле, в золотом янтаре.*

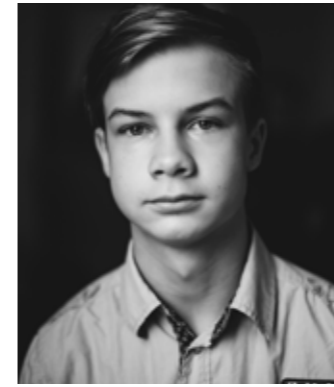
*За трепетным взором и сладостной негой
Открылись глубины далекой души.
Была ли она припорошена снегом
Иль все ее чувства доселе свежи?*

*Свой путь, наполняемый светом мечтанья,
Блестаньем нарядов да шумом балов,
Вам незачем было менять на скитанья
Под сенью дубрав, белизной облаков.*

*Вослед обернувшись, я ясно приметил
Две пряди волос в дуновенье весны.
Теперь о парящем вдали силуэте
Напомнят короткие летние сны.*

*Быть может, для нас уготована встреча:
В полях на грядущем распутье судьбы
Ждут пламенный взор, долгожданные речи –
Теперь мне бы только не сбиться с тропы.*

07.2016

**Николай
Чусовитин,
9 «А»**

Грустно (по Есенину)

*Смотрю я на тебя, и грустно мне,
И нет в картине больше ярких красок.
Мой мир умрет, пылая, весь в огне
Разрушится. Убийственно прекрасен.*

*Я исчерпал себя, здесь больше нет
Того, чем жил я и к чему стремился...
Погас в пустынном доме тусклый свет,
И путник темной ночью заблудился.*

*А дождь весь день идет, мне одному
С того ужасно грустно и тоскливо.
Я заперт в четырех стенах. В плену
Мой разум уж не может мыслить живо.*

*Быть может, прочитаешь это ты,
А я тебе отвечу между строчек,
Что все однажды отцветут цветы,
Как я отцвел глухой осенней ночью.*

Прощание

*Привет, мой друг, давно мы не видались,
Давно не говорили по душам.
Я одинок был, и мне часто вспоминались
Те времена, когда, легко дыша,*

*Без мыслей о грядущем и прошедшем
Детьми мы были. Помню как вчера.
Я горько думал. Думал об ушедшем.
Хотя расстаться с ним давно уже пора.*

*Ты знаешь, друг, наш мир переменялся,
С собою вместе изменив и нас.
Я с домом отчим навсегда простился,
Покинул этот край в тяжелый час.*

*Вдали от мест родных, вдали от дома
Я много думал. А безрадостной порой
Я тосковал по времени былому
И по тому, что оставалось за спиной.*

*Вот я вернулся. Свиделся с семьей,
С приятелями юных лет.
Но что-то мне казалось здесь чужое,
Как будто вдруг покинул это место свет.*

*Мой друг, тебя давно уже не стало.
Я не был рядом в твой последний час.
Теперь я понял: вот оно начало
Новой жизни. Жизни без прикрас.*

*Прощай, мой друг. Быть может, свидимся с тобою.
Не нам решать. Мы здесь – лишь жизни персонажи.
Ну что ж, тогда дождливою порою
Мы снова встретимся. И ты мне все расскажешь.*

Generation Пири

Зера Черешнева
(Кукутидзе),
выпуск 2008 года

Все началось со страха, недоверия, дискомфорта, гнева, обиды и сопротивления. Непростая градация чувств к самому важному учителю в жизни. Сначала мы звали его «Тот, имя которого нельзя называть», потом сокращенно Ю.Б., потом перешли на ласковое Пиря. Не сразу, не думайте. Были те, кто не доучился до Ю.Б.: испугались, забрали документы и ушли в другую школу.

Одна из первых поездок. Вечер. Перерыв между экскурсиями. В отеле полный порядок, ни звука. Веселья хочется страшно. Кто-то увидел, что Молев и Пирятинский вышли на вечерний променад. Начинаем операцию «Свобода»: звоним в номера друг другу, выбегаем в холл, бесимся. Одна половина прыгает на диванах, другая танцует, в сеансе группового психоза участвует человек десять. Мы с Патрисией Рохас начинаем плясать тарантеллу, исполняя акробатические этюды, и в этот момент замечаем, что на лицах прыгающих застыл ужас. Медленно оборачиваемся и видим ЕГО. Гробовая тишина прерывается чьим-то чихом. Он обводит всех суровым взглядом и выдает короткую речь в стиле «Позор...». Нам очень стыдно. Нам страшно стыдно.

Вообще, у него было несколько выразительных взглядов, которые мы считывали молниеносно. Самый популярный назывался «Что здесь происходит?», после него все движения прекращались, разговоры умолкали и все делали вид, что этого эпизода не было. Другой – «Как ты посмел, вошь презренная...» – применялся к определенному провинившемуся. После этого взгляда нужно было смотреть в пол и слушать строгий выговор, не пытаясь оправдаться.

Каким-то непостижимым образом Пирятинский всегда появлялся рядом в самые «пикантные» моменты. У него как будто был радар, настроенный на детские шалости. И вот однажды, обсуждая эту его феноменальную способность, мы с Ксюшей Шандаловой решили проверить, сработает ли. Ксюша, как самая смелая, начала первой: «Пиря дурак, Пиря дурак, Пиря дурак...» Доли секунды – и он вырос за нашими спинами. Как? Никто не понимал.

Он не был идеальным учителем. Беспощадно давил авторитетом, знал слабые места каждого, мог нажать, щедро ставил единицы. Да что уж там, моей соседке по парте, ныне близкой подруге, он как-то поставил жирный ноль с криком: «Вы необучаемы!!» В общем, жуткие вещи творил с точки зрения гуманности. Видел всех насквозь. Родители его за это уважали, мы – боялись.

Он очень любил давать прозвища. И если вам ваше прозвище не нравилось, это было вашей проблемой, главное – чтобы оно нравилось Пире! К примеру, до встречи с Ю.Б. я думала, что мне просто не повезло с фамилией, после поняла, что надо ее менять. Фамилия и правда была звучная: она начиналась с «Куку». И если кто-то в классе не мог ответить на его вопрос, он ставил человека на «таймер», повторяя: «Тик-так, тик-так, тик-так», и выжидающе смотрел на меня – нужно было произнести «ку-ку».

Самое нежное прозвище было у Славы. Его мы, благодаря Пире, называли «Славúшка, два ушка». Слава пришел к нам в восьмом классе, и с учебой у него не складывалось. Пиря ему так вкрадчиво на каждом уроке и говорил: «Славúшка, переходи в другую школу, я тебе оценки хорошие нарисую...» Пиря был человеком слова. И оценки нарисовал.

Слава, кстати, ушел в медицинский колледж и стал акушером-гинекологом.

В девятом классе воспитательный период закончился, строгий родитель ослабил железную хватку. Надо отдать ему должное, вся дурь из голов к тому моменту уже выветрилась. С тех пор всегда и во всем он был на нашей стороне, и с ним нам было море по колено: пропущенные по неясным причинам уроки, проблемы с физкультурой, неловкие моменты в отношениях с родителями... Пиря мог уладить все, и мы этим нагло пользовались. Поездки, посиделки, разговоры в каморке, жизненные советы, бесценные моменты – одним словом, счастье. Ушли из школы с чувством, что встретили лучшего учителя на свете.

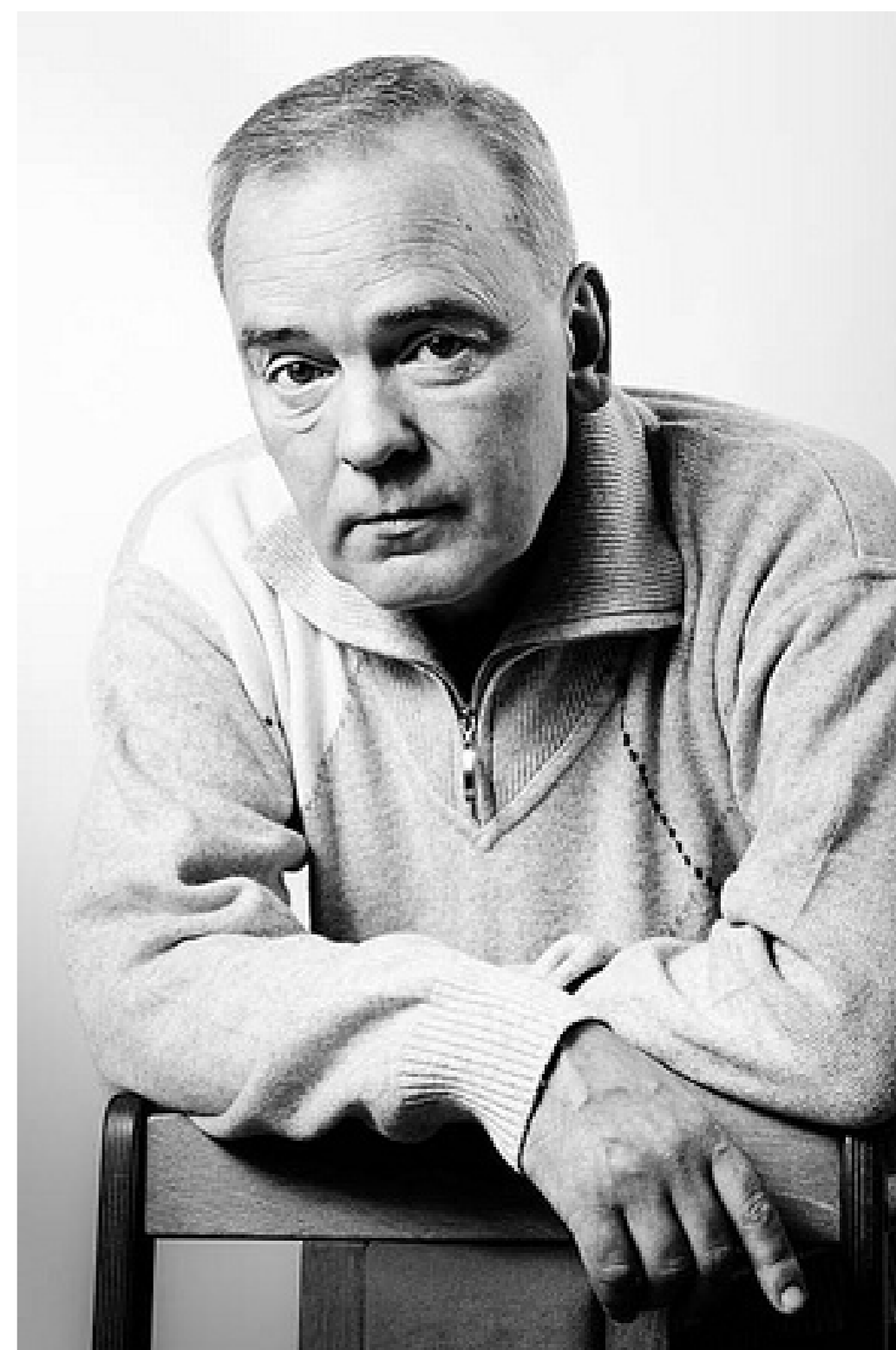
Плохие новости всегда приходят неожиданно. Сообщения в соцсетях, в мобильных: у Ю.Б. случился инсульт. Паника, обзвон одноклассников, обсуждения. Почему-то мы были уверены, что все будет хорошо, нас ведь так много, мы точно все исправим: соберем достаточно денег, найдем хорошего врача, Пиря поправится, отучим его от всех вредных привычек, он возьмет новый класс и вырастит еще одно «Generation Пири».

Первые вести из больницы. Собираемся ехать к нему в гости, но он не хочет никого видеть. Ладно, думаем, подождем, пока поправится. А через неделю звонок: «Пиря умер...» Молчание, и на обоих концах провода холодная рука печали цементирует маленькую дверь. Поздно.

Боль, пустота, досада, злость. В голове только дым от «Тройки» и «Беломорканала» – он всегда сушил свои сигареты на батарее. У него была одна куртка, одни брюки, один свитер, но последние два года на переменах он кормил нас красной икрой. Все для нас. Весь для нас.

Как-то он вручил мне перстень и несколько фото из молодости. Пыталась вернуть обратно – сокровища ведь, но не взяла. Велел хранить. Храню.

Остались сотни нерассказанных историй, тысячи неслезанных «спасибо», с десяток праздников, на которые мы могли бы прийти к нему. Его дни рожде-

ния, на которые по традиции дарили бы что-то безумное, чтобы его удивить, а потом просто нужно, чтобы у него все было в порядке.

Постоянно мучает ощущение, что мы что-то не успели для него сделать, что-то упустили.

Он для нас сделал все.

Еще осталась уверенность: с этой школой все будет хорошо. Просто потому, что здесь жил и работал Юрий Брониславович Пирятинский.

«Он нас по-настоящему любил»

Дарья Солдатова
(Павлович),
выпуск 2003 года

С Юрием Брониславовичем я общалась не так тесно, как некоторые мои одноклассники. Однако он удивительно точно знал, когда нужно вмешаться и поддержать, а когда надо просто понаблюдать со стороны.

Юрий Брониславович незаметно отслеживал все, что происходило с нами – ЕГО учениками. Я всегда училась хорошо.

Но в девятом классе на уроке литературы у Вадима Александровича Терехова получила тройку за плохой анализ образа Ярославны из «Слова о полку Игореве». Мне не нравилась эта героиня, я ее не понимала. Юрий Брониславович узнал об этом, подошел ко мне и сказал, что согласен со мной, что Ярославна – дура. Вот прямо так и сказал.

Его уроки были невероятными во всех смыслах. Было страшно, но и страшно интересно! Он всегда умел найти точный и емкий образ или пример, чтобы объяснить, почему это слово пишется так. Он требовал от нас понимания, а не простого вызубривания. Как-то раз в диктанте я допустила глупейшую ошибку: написала «астролистый». И Юрий Брониславович высмеял ее, говоря, что, конечно, астра – симпатичный цветок, но лист вряд ли может быть похож на нее. И ему удалось привить это внимание к слову, любовь к родному языку, что во многом определило для меня выбор профессии.

Как же много Юрий Брониславович знал! И он никогда не считал, что знает достаточно, все время стремился узнать еще больше. Нас он тоже своими вопросами с подковыркой застав-

лял думать, искать ответ, узнавать больше.

Юрий Брониславович сумел незаметно привить любовь к книгам. В наших разговорах мы часто обсуждали то, что прочитали. И Вадим Александрович даже признался однажды, что ему приятно слышать, как мы на перемене обсуждаем книги, а не передачу «Дом-2» или очередной сериал. Но для нас это было совершенно естественно.

На экскурсии или в поездке в другой город Юрий Брониславович всегда обращал внимание на мелочи, незаметные на первый, невнимательный, поверхностный взгляд. Он учил нас подмечать незаметное, видеть скрытую красоту. Мы научились смотреть глубже, пристальнее, не спешить и наслаждаться, к примеру, красотой шатровой церкви, удивительно гармонично вписывающейся в псковский пейзаж.

Я благодарна своему учителю за то, что он нас по-настоящему любил. Теперь я и сама мама. И понимаю, что, когда любишь, хочешь, чтобы твой ребенок вырос хорошим человеком. А это очень непросто. Порой нужно быть жестким и требовательным, а иногда, наоборот, мягким и внимательным. Таким он и был с нами.

Когда мы выпускались из школы, учителя сделали нам подарок: опросили других учеников, какое качество они считают главным у нашей параллели. Оказалось, что на первом месте с большим отрывом от остальных была человечность. Я уверена, что это его заслуга и его победа. Мы смогли стать теми, кем он хотел нас видеть, – настоящими людьми.

Учредители премии благодарят Вадима Александровича ТЕРЕХОВА и Арсения Александровича ЗАМОСТЬЯНОВА за то, что они взяли на себя труд внимательно прочитать и доброжелательно отрецензировать тексты, номинированные на соискание Общественной премии имени Ю.Б. Пирятинского

Над номером работали
Редактор: В.Н. Рудаков
Верстка: Н.Е. Пыльнева (журнал «Историк»)
Корректурa: Е.Е. Леонтьева (журнал «Историк»)
Фото: В.В. Аверин, М.В. Малиновская

Тираж: 100 экз.

ВЫ МОЖЕТЕ ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРЕМИЮ ИМЕНИ Ю.Б. ПИРЯТИНСКОГО,
переведя любую сумму в премиальный фонд: карта VISA (Сбербанк) 4276 3800 5842 4339;
телефон: 8 985 774-38-90; казначей премии – Гончарова Светлана Витальевна (выпуск 1985 года)